

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сюй Ш. «Грамматические вольности» как ведущий принцип поэтики Владимира Кучерявкина и «восточная» картина мира в его творчестве // Litera. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.11.72314 EDN: LLGEJY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72314

«Грамматические вольности» как ведущий принцип поэтики Владимира Кучерявкина и «восточная» картина мира в его творчестве

Сюй Шуан

кандидат филологических наук

аспирант, Кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса,
Московский Государственный Университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ xuxuxushuang@163.com[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.11.72314

EDN:

LLGEJY

Дата направления статьи в редакцию:

12-11-2024

Дата публикации:

27-11-2024

Аннотация: Предметом исследования являются стихотворения Владимира Ивановича Кучерявкина. В. И. Кучерявкин (1948) пишет стихи с 1970-х гг., с 1980-х публиковался в самиздатской периодике. С 1994 года вышло несколько его книг, в основном поэтические сборники («Танец мертвой ноги» 1994 г., «Треножник» 2001 г., «В открытое окно» 2011 г., «До Янджоу тысяча ли» 2018 г. и другие). В качестве материала для исследования были отобраны стихи, созданные с 1990-х до 2010-х гг. В статье рассматриваются репрезентативные художественные приемы В. И. Кучерявкина, то есть – аграмматизм. Наличие черты аграмматизма в стихах рассматриваемых стихах Кучерявкина обусловлено прежде всего тем, что сложилась общая тенденция аграмматизма у других поэтов в современной поэзии. Используются лингвопоэтические

методы анализа, метод внимательного чтения художественного текста. В методологическом отношении автор статьи опирается прежде всего на труды Л.В. Зубовой. Новизна работы связана прежде всего с недостаточной изученностью творчества выдающегося современного поэта В. И. Кучерявкина. Как один из главных принципов его поэтики в статье обсуждаются «грамматические вольности», которые упоминались в критике, но никогда не становились объектом сколько-нибудь детального и систематизирующего описания. Показаны два типа грамматических «ошибок» в текстах Кучерявкина: смещение способов выражения одушевленности и неодушевленности (напр., винительный падеж, употребленный вместо родительного, указывает на сдвиг от неодушевленности к одушевленности и обратные ситуации, когда одушевленное грамматически оформляется как неодушевленное) и разрушение иерархии объектов, явлений и действий — иерархии, обычно отражающейся в структуре высказывания (деепричастие может тавтологически повторять сказуемое и деепричастия-окказионализмы образованы Кучерявкиным вопреки правилам формирования деепричастий определенного вида и времени). Грамматические особенности (наряду с тропами и другими художественными приемами) участвуют в формировании особой картины мира, в которой мы находим черты, близкие образу мира в восточных религиозно-философских системах.

Ключевые слова:

Владимир Кучерявкин, русская поэзия, лингвопоэтика, грамматические девиации, одушевленность, структура высказывания, картина мира, конфуцианство, буддизм, китайская философия

Введение

Право современного поэта на эксперимент с языком давно уже не вызывает сомнения. «Девиантность в поэзии почти всегда является осознанным авторским приемом и потому относится к метаязыковым явлениям, так как все введенные поэтом трансформации имеют особую мотивацию и работают на приращение смысла, прежде всего на его эстетическую составляющую» [\[1, с. 44\]](#). Среди действенных художественных средств, к которым активно обращаются поэты в последние полтора века, — заметные для читателя отклонения от грамматической языковой нормы, которые могут быть важным способом формирования индивидуальной поэтической интонации.

В русской поэзии XX века языковые эксперименты были, как известно, важны для первого авангарда (прежде всего футуристов и обэриутов), для некоторых авторов т. н. Бронзового века, работавших в андеграунде; в постсоветское время, в XXI веке, такие эксперименты стали особенно заметны. Неудивительно, что они стали предметом внимания исследователей: «Начиная с 2000-х гг. поэтика грамматических категорий выходит на передний план при рассмотрении как классических текстов, так и текстов новейшей поэзии (Л. А. Ноздрина, Л. В. Зубова, Н. А. Николина, Е. А. Скоробогатова, Г. А. Хайрутдинова и др.)» [\[2, с. 164\]](#).

О методологии работы

Поэтические «ошибки» анализируются преимущественно лингвистами; так, Л. В. Зубова, исследовавшая «грамматические вольности» русской поэзии второй половины XX – первых десятилетий XXI вв., классифицируя типы отклонений от грамматической нормы,

не обсуждает индивидуальные поэтические системы и склонность отдельных авторов к тем или иным видам «вольностей» (см. особенно: [3]). Перед литературоведением стоит почти еще не разрешенная задача интерпретации этих отклонений, описания их индивидуального характера и потенциальной художественной плодотворности; в настоящей работе мы пробуем найти подступы к решению этой задачи, используя некоторые понятия и наблюдения коллег-лингвистов, но пытаюсь объяснить художественный смысл грамматических сдвигов в индивидуальной поэтической системе.

Объект и предмет исследования: грамматические «вольности» в поэзии В. И. Кучерявкина

Мы попробуем объяснить, как грамматические «вольности» создают своеобразную картину мира в творчестве русского поэта Владимира Ивановича Кучерявкина (1947 г.р.), который, по словам исследователя андеграунда С. А. Савицкого, вместе с немногими другими поэтами создал «ленинградскую неофициальную словесность во второй половине 1970-х годов» ([4, с. 44]). Наши наблюдения основаны на текстах, написанных, как можно понять, в разные десятилетия и включенных автором в сборники его стихов, выходившие в 1980-х-2010-х гг.

Основные типы грамматических «вольностей»: попытки классификации

Грамматических «вольностей» у Кучерявкина особенно много; «Кучерявкин ценит <...> алогизмы и бессмыслицу в повседневности... он внимателен к странностям и сбоям установленного порядка» [4, с. 46].

Опираясь на предложенную в работе Л. В. Зубовой классификацию отклонений от грамматической нормы, используя некоторые найденные ей примеры и дополняя их своими, мы попытались определить, какие типы отклонений встречаются чаще других. Назовем здесь некоторые типы аграмматизмов, встречающихся в поэзии Кучерявкина.

Грамматический род (имитация русского в устах азиата): «Какой роскошный девушка в очках» [6, с. 10]. Предполагаем, что это кучерявкинская имитация чужой речи; «Зверь <жизнь> иная нам настанет» [5, с. 86].

Грамматическое число: «Постой же, люди, дай шепну на ухо!» [6, с. 12]; «Мы тут всегда один...» [6, с. 13]. Например:

Кроме нас с тобой сегодня, кто еще

Может быть счастлилив настолько, чтобы не знать о словах,

Маленьких растениях, которыми заросла память?

Они собрали *всё*, что *остались* от племени

(«Кроме нас с тобой сегодня, кто еще...» [7, с. 8])

Фонари коридорною бегают крысой.

А когда появляется строгий чекист,

Управляя по воздуху кончиком носа,

Они наклоняются, словно *артист*.

(«Фонари коридорною бегают крысой...» [\[7, с.223\]](#))

Грамматический падеж: Например:

Теперь не то.

Ложусь ли на диван, иду ль к начальству, в кассу,

Или в потемках натыкаюсь на себя,

Ты про небес теперь уже не вспомнишь,

И *вас* теперь не скажешь тленом октября.

(«Мы все кричали и смеялись...» [\[7, с. 22\]](#))

Меня никто не скажет: уходи!

Ты здесь не наш, не уходи, останься!

И вместе мы идём по всем дорогам.

И нас никто не станет виноват.

(«Меня никто не скажет: уходи...» [\[7, с. 39\]](#))

Дополнение при непереходном глаголе: «*Спешит упасть прохладную волну / Тяжелый свет ночной рекламы...*» [\[6, с. 49\]](#) (Л. Зубова называет это «транзитивацией непереходных глаголов»). Например:

Напейся, подмигни прохожим глазом,

И выйди в сад, где осень слепнет на боку,

Где доцветает куст шиповника, чьи розы

Кричат последнее кукареку.

(«Напейся, подмигни прохожим глазом...» [\[7, с. 161\]](#))

Прилагательное, однокоренное с переходным глаголом, сопровождается дополнением, невозможном при прилагательном, но допустимом при глаголе: «В тряске рожам вагоне» [\[5, с. 107\]](#) (ср. *трясти рожам*).

Свойственный поэтическому языку прием синтаксического параллелизма порождает невозможные с позиций грамматической нормы конструкции: «<...> про чуждую нам жизнь <...> Стану жить я там прекрасную мне жизнь <...> и прощай вы тут, святые мне места» [\[5, с. 120\]](#). Здесь в стихотворении из трех строф («Встал невыспавшись. <Sic!> Слипаятся глаза») каждые две, а то и все три соседних содержат такой случай: *чуждую нам* (прилагательное + дополнение — личное местоимение в дательном падеже, правильная конструкция) — *прекрасную нам* (прилагательное + дополнение — личное местоимение в дательном падеже, неправильная конструкция; чтобы выразить этот смысл, требуется дополнение в другом падеже и с предлогом: *прекрасную для нас*) — *святые мне места* (то же, что и в предыдущей строфе).

стану жить я там (глагол в изъявительном наклонении в роли сказуемого + личное

местоимение в роли подлежащего + наречие в роли обстоятельства, правильная конструкция) — *прощай вы тут* (междометие, омонимичное глаголу в повелительном наклонении + личное местоимение в роли подлежащего, допустимое во фразе с глаголом в повелительном наклонении, но не при междометии, + наречие в роли обстоятельства, также невозможное при междометии).

Грамматическое время глагола: Например:

За горами в колокол звонят.

Сонные деревья ветки принагнули.

Проснусь и открываю окна в сад,

И взгляд летит туда быстрее пули.

(«За горами в колокол звонят...» [\[7, с. 23\]](#))

Оккационализм: Например:

А кровь, как древо, всё роняет листья...

Но ветер крутился, и окно стучало.

И небо далеко лицом скалистым

Нам раскрывало дальнее *рычало*.

(«Какой-то ветер пробежал по проводам и крышам...» [\[7, с. 209\]](#))

Генерал, словно облако ходит, над крышей,

И приказы навешал на каждый шлагбаум.

И приникнули к небу засохшие уши,

Словно *хочут* услышать какой-нибудь «оум».

(«Фонари коридорною бегают крысой...» [\[7, с. 223\]](#))

Единственно правильная форма настоящего времени 3-го лица множественного числа глагола "хотеть" - "хотят". Вариант "хочут" имеет сниженную окраску (просторечный) и является нарушением принятых грамматических норм.

Встречаются другие случаи, а также многочисленные семантические «сдвиги».

Возвращаемся к вопросу о частотности «ошибок». Оказалось, что, *во-первых*, особенно часты и явно неслучайны «ошибки», связанные с грамматическими способами выражения одушевленности и неодушевленности:

Но сник, задумался товарищ,

Сложил тяжёлые крыла...

И монастырь, узрев *пылающих* пожарищ,

Тяжёлые забил в колокола.

(«Машина, везшая матрасы...» [\[6, с. 35\]](#))

Я зашел, уснул, остался слушать,

Мол: на фронте! Тоже захотел?

Как израненная кровью пушка,

Где профессор резал *потных тел*

(«Процедуры» [\[8, с. 107\]](#))

Винительный падеж, употребленный здесь вместо родительного, указывает на сдвиг от неодушевленности к одушевленности.

Подобным образом одушевляются письменные знаки в следующем примере:

Коль скоро лег на свой диван —

То и гляжу в журнал, как бы в окно с решеткой,

Где побежали врассыпную крысы —

Словно играют в *букв и запятых*.

(«Коль скоро лёг на свой диван...» [\[9, с. 87\]](#))

Теперь не то.

Ложусь ли на диван, иду ль к начальству, в кассу,

Или в потемках натыкаюсь на себя,

Ты про *небес* теперь уже не вспомнишь,

И вас теперь не скажешь тленом октября.

(«Мы все кричали и смеялись...» [\[7, с. 22\]](#))

Тяжёлым человеком на дороге,

И взором призрачным скребя *небес*,

Мы тут. Колёса едут, и шагают ноги.

И лёгкий кажется мне крест.

(«НА ОСТРОВАХ С СЫНОМ ГУЛЯЕМ» [\[7, с. 15\]](#))

Бывают и обратные ситуации, когда одушевленное грамматически оформляется как неодушевленное:

Но я уйду, но я уйду

Шагать по облакам стопою нежной.

А тут пока с доверчивой надеждой

Гляжу на ныне *дикий финн*

И на тунгус угрюмый, на русский, на калмык.

Любимые слова пою на свой салтык.

(«Памятник. Вот он стоит, качая головой...» [\[5, с. 79\]](#)).

Но вспомним, братья, про *таракан безусый*,

Когда по переулкам серым, словно Бусов,

Мы пятимся, слепые, вслед

Слепому таракану на обед.

(«И в шесть часов утра метро забилося дыбом...» [\[8, с. 20\]](#)).

Немота, немота... А на улице храп

Мотоцикла, везущего *люди*.

Погоди, алкоголя непокорный холоп,

Воздымаются, слышь, непокорные груди.

(«Занавесил окно, чтоб не жарило солнце...» [\[5, с. 63\]](#)).

А то лежал, глядя на *обезьяны*,

На их во мраке добрые фигуры,

Которых там поблёскивали шкуры.

И было так прекрасно, хоть умри.

(«Под лампой в керамическом бардаке...» [\[7, с.81\]](#))

Одушевление неодушевленного, очеловечение нечеловеческого осуществляется в художественном мире Кучерявкина при помощи не только грамматических сдвигов; сейчас мы анализируем только один уровень поэтического текста, который соответствует другим. Олицетворяющих тропов у Кучерявкина очень много, их анализ — задача отдельного исследования; заметим, что, в отличие от резко необычных аграмматизмов, метафоры у Кучерявкина могут быть вполне традиционными («голые деревья пляшут гопака»; «ходят звезды, / поют и пляшут пьяным хороводом»; «Не кончается мороз, так и дышит. / И железному трамваю ой, как больно. / Вот трясется он по улица, бедняга, /А на улице, представь, минус двадцать» [\[5, с. 80, 83, 113\]](#)). Лингвисты отмечают сопоставимость грамматических девиаций и тропов как таковых, их способность выполнять сопоставимые семантические задачи («обнаруживается тенденция к рассмотрению грамматических новообразований не только как "грамматических неологизмов", а как "грамматических тропов"» [\[2, с. 164\]](#)).

Второй по значению тип отклонения от языковой нормы связан с разрушением иерархии объектов, явлений и действий, — иерархии, обычно отражающейся в структуре высказывания. Например, деепричастие может тавтологически повторять сказуемое:

Когда она, жуя свой бутерброд,

Жевала бутерброд, куда-то вдаль смотрела

И бутерброд свой с маслом ела, ела...

(«О Господи, красивы эти облака...» [\[5, с. 30\]](#))

К такому типу отклонений, думается, семантически близко разрушение устойчивых синтаксических конструкций, например, деепричастных оборотов, «перетасовывание» слов во фразе, нарушение их предполагаемого порядка: «И оглянувшись, боязливо жметя, / На сильное стареющее тело...» [\[5, с. 90\]](#), а также эллипсисы, пропуски грамматически необходимого: «И стол под ним, уставленный <существительное в творительном падеже?> стеклянных, звонких рюмок...» [\[5, с. 34\]](#)

И нарушение правила деепричастия в его каноническом виде, то есть несовпадение субъекта деепричастия и субъекта основного действия, которое выражено и на формальном уровне - деепричастие не относится к подлежащему основной части. Например:

Лежа на кривом диване,

Телевизор тарыхтит.

А над крышами, в тумане,

Снег мерцает и летит.

(«Лежа на кривом диване...» [\[7, с. 29\]](#))

Тому же «смешению карт», в частности, разрушению системы грамматических времен и видов, способствуют и нередкие у Кучерявкина деепричастия-окказионализмы. В следующем примере деепричастия настоящего времени образованы от глаголов совершенного вида:

Как щелкнет зубами и крякнет потом,

На развилке, задумаясь, витязь,

Где встретил дорожный, где надпись притом,

Тот камень, пред ним приказав: «Становитесь!»

И он становился подмышкой с копьем

И надпись на нем прочитая.

(«Как щелкнет зубами и крякнет потом...» [\[10, с. 19\]](#))

(Л.В. Зубова обнаруживает подобный случай в поэзии Давида Паташинского, начавшего публикующегося с 2000х: «тугое горло угадаю» [\[11, с. 364\]](#).)

И здесь, как и в предшествующей группе примеров, можно увидеть воплощение принципов восточной философии, для которой иерархии явлений и существ нет, — по крайней мере, в западном понимании иерархии как жесткой структуры. Н.В. Барковская, не затрагивая вопроса о нарушении грамматической нормы, пишет о впечатлении, которое производит поэзия Кучерявкина: «В картине мира отсутствует иерархия и перспектива, все явления одинаково близки и значительны» [\[12, с. 208\]](#).

Обсуждение результатов

Смешение грамматических форм одушевленного и неодушевленного, видо-временные «сдвиги» в глагольных формах, разрушение устойчивых синтаксических конструкций может отражать, как мы предполагаем, некоторые важные для Кучерявкина идеи даосизма и/или буддизма: в мире нет границ между одушевленным и неодушевленным, живым и мертвым. Не развивая своей мысли сколько-нибудь подробно и не приводя примеров, еще до нас С.А. Савицкий уже отмечал возможное влияние буддийской философии на поэтику Кучерявкина: «Алогизм стиха здесь ищет метафизическое измерение наподобие высказываний из "Тибетской книги мертвых", которую поэт перевел двадцать лет назад» [\[4, с. 46\]](#). Философские основания олицетворяющих сравнений и других тропов у Кучерявкина упоминает и А. Скидан: «Животные, насекомые, растения и светила наделены антропоморфными чертами, предметы одухотворены. То, как он пишет о крылатой короле, прощается с выловленной рыбой или жалеет убитого комара, заставляет вспомнить Франциска Ассизского и буддийскую заповедь о необходимости привести к спасению всех малых сих» [\[13\]](#). Разовьем эти соображения о возможной близости картины мира в творчестве Кучерявкина к восточным религиозно-философским системам подробнее.

Напомним, во-первых, о несомненном присутствии в творчестве Кучерявкина образа Китая, некоторых трансформированных китайских традиционных символов и даже некоторых художественных приемов — особенного способа называть стихотворения — которые в русской культуре поэтического перевода традиционно связываются с китайской классической лирикой (см. об этом: [\[14\]](#), а также нашу статью о названиях у Кучерявкина (в печати)). Особенно ясно присутствие «китайского начала» в лирике поэта проявилось в названии и оформлении его книги 2018 года — «До Янчжоу тысяча ли». Что касается восточной философии, точнее — буддизма, то можно считать, что Кучерявкин знаком с этой системой представлений достаточно хорошо, чтобы использовать ее: он перевел (правда, с английского и в соавторстве с Б. Останиным) «Тибетскую книгу мертвых» (первое издание в 1999 г.).

На наш взгляд, в стихах Кучерявкина обнаруживается ясное воплощение восточной философии, для которой очень важно представление о равенстве всего сущего. Такое представление есть и в буддизме, и в даосизме.

В буддизме все существа обладают природой Будды, и все существа, будь то люди или другие создания, имеют равное право жить и стремиться к счастью. Буддизм подчеркивает сострадание и равное отношение ко всем существам, учит уважению к природе и заботе обо всем сущем.

В даосизме также присутствуют идеи равенства всего сущего, причем все сущее, достойное уважения, даосизм понимает более широко, чем буддизм: для даосизма все сущее включает в себя и то, что для постороннего взгляда предстает неодушевленным (камни, вода и т.п.). С точки зрения одного из ведущих представителей даосизма, Чжуан-цзы, «Дао» — это «Творец» (или «Мать») всего сущего во Вселенной: «Воплощение всего сущего корнями уходит в "Дао". Вот почему Чжуан-цзы говорил: "Без всего сущего нет меня, а без меня нет ничего... нельзя сказать, что какое-то сущее дороже, а какое-то дешевле"» [\[15, с. 5\]](#). (Приведем последние слова и на китайском языке: 以道观之, 物无贵贱.)

Исследователь даосизма Ние Вэйци пишет в своей работе: «В буддизме считается, что

люди и все животные равны, а Чжуан-цзы считает, что равны все сущее с людьми. Как говорит Чжуан-цзы: "небо и земля существуют параллельно со Мной, и со Мной едино все сущее и существо" (天地与我并生, 万物与我为一)» [16, с. 30].

Стихи Кучерявкина, думается, отражают подобный философский взгляд на Вселенную.

Заключение

Итак, мы пришли к выводу, что грамматические «вольности», «ошибки» — важная черта художественного языка В.И. Кучерявкина.

Среди разнообразных типов «ошибок» в стихах Кучерявкина выделяется смешение грамматических форм одушевленного и неодушевленного, а также разрушение стабильных грамматических конструкций. Думается, что это отражает некоторые важные для Кучерявкина философские идеи. Картина мира в поэзии Кучерявкина, видимо, отчасти близка к образу мира в восточной философии и религии.

Библиография

1. Фатеева Н. А. Языковые девиации в аспекте креативности (на материале современной русской поэзии) // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 44-48.
2. Фатеева Н. А. Солюби, исчезаешь, мой ноч: о неологии в поэтической грамматике // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 19. С. 163-176.
3. Зубова Л. В. Грамматические вольности современной поэзии, 1950–2020. М., 2021. 656 с.
4. Савицкий С. А. Разные близнецы: типологии российского постмодернизма и индивидуальный эстетический опыт // Журнал интегративных исследований культуры, 2022. Т. 4, № 1. С. 42–49.
5. Кучерявкин В.И. Созерцание С. М., 2014. 232с.
6. Кучерявкин В. В открытое окно. М., 2011. 64 с.
7. Кучерявкин В. Ранние стихи. М.;СПб., 2024. 235 с.
8. Кучерявкин В. Треножник: Стихи, проза. СПб., 2001. 206 с.
9. Кучерявкин В. Избранное: Стихи. М., 2002. 224 с.
10. Кучерявкин В. Танец мертвой ноги. СПб., 1994. 48 с.
11. Зубова Л. В. Поэтика Давида Паташинского // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 1. С. 357-370.
12. Барковская Н. В. Неосентиментализм в поэзии В. Кучерявкина // Русская литература XX-XXI веков: Направления и течения. Вып. 8. Екатеринбург, 2005. С. 205-217.
13. Скидан А. <Рецензия> Владимир Кучерявкин. Треножник // Новая русская книга. 2002, № 1. Цит. по: <http://www.litkarta.ru/dossier/skidan-o-kucheriavkine/> (дата доступа: 06.11.2023).
14. Хабибуллина М. Н. «Глаз открывая к Востоку»: Китай в лирике Владимира Кучерявкина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт, молодая наука. 2013, № 5. С. 220-226.
15. 王孝鱼.《庄子内篇新解·庄子通疏证》. 北京. 中华书局. 2014) [Ван Сяоюй. Новая интерпретация внутренних глав Чжуанцзы. Пекин: Китайская книжная компания Чжоньхуа, 2014. 172 с.]
16. 聂炜琪. "万物一齐"思想背景下的平等观念. 长春, 2009 [Ние Вэйци. Концепция равенства в контексте идеи «единства всего сущего»: дисс. ... маг. филос. наук. Чанчунь, 2009. 53 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе являются «грамматические вольности» поэтики Владимира Кучерявкина и «восточная» картина мира в его творчестве. Вслед за Н. А. Фатеевой автор(ы) отмечают, что «девиантность в поэзии почти всегда является осознанным авторским приемом и потому относится к метаязыковым явлениям, так как все введенные поэтом трансформации имеют особую мотивацию и работают на приращение смысла, прежде всего на его эстетическую составляющую». Актуальность исследования определяется необходимостью углублённого изучения новейшей поэзии с точки зрения интерпретации грамматических вольностей (отклонений от грамматической языковой нормы) как «важного способа формирования индивидуальной поэтической интонации», описания их индивидуального характера и потенциальной художественной плодотворности: «в настоящей работе мы пробуем найти подступы к решению этой задачи, используя некоторые понятия и наблюдения коллег-лингвистов, но пытаюсь объяснить художественный смысл грамматических сдвигов в индивидуальной поэтической системе».

Теоретической базой научной работы послужили труды таких российских и зарубежных исследователей, как Н. А. Фатеева, Л. В. Зубова, С. А. Савицкий, Н. В. Барковская, М. Н. Хабибуллина, Ван Сяоюй, Ние Вэйци. Библиография составляет 15 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, интерпретативный анализ отобранного материала, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов. Материалом исследования послужили тексты русского поэта Владимира Ивановича Кучерявкина (1947 г.р.), написанные в разные десятилетия и изданные в сборниках стихов в 1990-2010-е годы. В статье анализируется достаточное количество примеров, что свидетельствует о масштабности и глубине проведенного исследования.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) определить основные типы грамматических «вольностей» в изучаемых текстах; предпринять попытку их классификации; выявить смешение грамматических форм одушевленного и неодушевленного, видо-временные «сдвиги» в глагольных формах, разрушение устойчивых синтаксических конструкций; сформулировать ряд выводов, в т.ч. относительно присутствия в творчестве Кучерявкина образа Китая, некоторых трансформированных китайских традиционных символов и даже некоторых художественных приемов. Выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в изучение и интерпретацию особенностей современной русской поэзии, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, лингвопоэтике, стилистике художественной речи, стиховедению и др.

Представленный в работе материал имеет логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания.

Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале

«Litera».